

За проповедником в пьесе остается моральная победа. В статье, опубликованной вскоре после постановки «Фьоренцы», Томас Манн, отвергая критические кривотолки, разъяснил, что именно Савонарола подлинный герой пьесы, и двор Медичи показан как бы с его точки зрения.

Было бы упрощением считать, что слова о художнике-пророке в прямой форме выражают взгляды Томаса Манна на искусство. Но он неспроста наделяет своего Савонаролу такой покоряющей нравственной силой. Нет смысла искать в этом образе прямого сходства с кем-либо из великих русских писателей. Однако на страницах «Фьоренцы», несомненно, сказались размышления Томаса Манна над книгами русских классиков, — над трактатами Толстого, который осуждал искусство богатых, над романами Достоевского, который умел, как никто другой в мировой литературе до него, осветить «все ужасающие глубины, все постыдные, горестные бездны бытия человеческого».

ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. «РАЗМЫШЛЕНИЯ АПОЛИТИЧНОГО»

Мировая империалистическая война на первых порах повергла Томаса Манна в крайнюю растерянность. Он не ждал этого события, не был внутренне готов к нему.

Старшая дочь Томаса Манна, Эрика, много лет спустя вспоминала слова, сказанные ее отцом, когда он узнал о начале войны: «Удивительно, если бы старик был еще жив — он мог бы даже ничего и не предпринимать, просто жил бы в своей Ясной Поляне, — это бы не произошло, это *не посмело бы* произойти...» Мысль о Толстом как о великом поборнике мира — вот первое, что пришло тогда в голову Томасу Манну.

Но прошло немного времени и Томас Манн поддался всеобщему шовинистическому поветрию. Давний почитатель Шопенгауэра и Ницше оказался безоружен перед доктринами и мифами, с помощью которых германский империализм старался обелить свои захватнические действия.

Томасу Манну казалось, что в такой ответственный исторический момент он обязан, как писатель, быть вместе со своим народом. Но по сути дела это значило — пойти на поводу у обывательских масс, охваченных милитаристским восторгом, и высказаться в поддержку войны.

Понятно, что Томас Манн, аристократ духа, человек утонченной культуры, не мог попросту перепевать вульгарные воинственные призывы кайзеровских пропагандистов. Он дал собственную интерпретацию событий в свете своеобразного интеллектуально усложненного национализма. В своей статье «Мысли о войне» он попытался истолковать начавшуюся войну как поход в защиту исконных ценностей немецкой культуры против фальшивой, бездушной западной «цивилизации».

Это выступление Томаса Манна вызвало резкую отповедь со стороны его старшего брата Генриха, убежденного противника империализма, и еще раньше со стороны прославленного французского писателя Ромена Роллана, который, находясь в Швейцарии, обращался к народам всех воюющих стран с антивоенными статьями-призывами.

Сам того не желая, Томас Манн оказался втянут в острый политический спор. Он взялся за большой публицистический труд «Размышления аполитичного» и выпустил его в свет перед самым концом войны, когда поражение кайзеровской Германии уже было совершено неминуемым. Как бы то ни было, Т. Манн хотел обосновать свой взгляд на вещи. Он был совершенно равнодушен к агрессивным целям германского империализма: Германия, писал он, дорога ему не как конкурент других государств в борьбе за рынки и мировое господство, а как носительница старых традиций «немецкого духа».

Томас Манн отнюдь не пытался подлаживаться к официальной кайзеровской политике: напротив, он несколько демонстративно подчеркивал свои расхождения с ней. В пору, когда шла война с Россией, он настойчиво заявлял о своей привязанности к русскому народу, его культуре. Ему казалось, что Россия могла бы быть не противником, а союзницей Германии в ее борьбе с «Западом», он не переставал мечтать о сепаратном мире с Россией и откровенно выражал эту мечту в своих письмах.

Любовь к русским писателям, русским духовным богатствам, конечно, была у Томаса Манна совершенно искренней. Но тот образ России, который рисовался его взору, имел мало общего с действительностью. Писатель, по крайней мере, тогда, когда он начинал работать над своей книгой, не отдавал себе отчета, что в империи Николая II кипела остройшая классовая борьба, и что страна, которая в его глазах была прежде всего родиной Толстого и Достоевского, находилась на кануне революционной ситуации. Он писал с глубоким убеждением и с потрясающей наивностью: «Разве русский не самый человечный человек? И разве его литература не самая человечная из всех, святая благодаря своей человечности? Россия в глубине своей души всегда была настроена демократически, то есть христиански-коммунистически, и Достоевский, кажется, сумел увидеть, что патриархально-теократическое самовластие представляет для этого демократизма более подходящую государственную форму, чем социальная и атеистическая республика».

Мы видим, насколько далеко от истины было представление Томаса Манна о политической жизни России. Он был издавна покорен нравственной и художественной силой русской классической литературы, но ни в коей мере не понимал, насколько тесно гуманизм русских писателей был связан с *освободительным движением* в стране. В царской России — как в конечном счете и в кайзеровской Германии — нарастал революционный взрыв, который должен был положить конец самовластию. А Томас Манн в эти именно годы, в разгар первой мировой войны, продолжал прославлять «аполитичность» как добродетель, якобы свойственную и немецкому, и русскому народам!

Проницательность, острота мысли Томаса Манна проявлялись в его книге главным образом там, где он осуждал западную буржуазную демократию. Он высказывал немало горьких истин по адресу западных правительств; он показывал, что и английский парламентаризм, и французский республиканский строй не обеспечивают своим гражданам ни подлинного равенства, ни всеобщего благосостояния. Однако слабость позиции Т. Манна обнаруживалась там, где он обращался к собственной стране — и подменял реалистическую картину

Германии сентиментально-бюргерской почвеннической утопией.

Мы только что видели, что Томас Манн в своих суждениях о международной жизни, о судьбах Германии призывал Достоевского в свидетели. Более того. «Размышления аполитичного» и по жанру, и по манере изложения родственны «Дневнику писателя» Достоевского. И там и здесь публицистика, памфлет переплетаются с лирической исповедью, и там и здесь авторская речь течет прихотливо, с отступлениями и перебоями, с неожиданными переходами от одной темы к другой. Вполне возможно, что Т. Манн сознательно ориентировался на «Дневник писателя», когда работал над своими «Размышлениями аполитичного». А критика буржуазно-демократических устоев и политических нравов Запада, широко развернутая здесь, по содержанию и направленности примыкает к другой публицистической работе Достоевского — его «Зимним заметкам о летних впечатлениях».

О «Дневнике писателя» Томас Манн вспоминает в своей книге несколько раз, ссылается на Достоевского, цитирует его. Его особенно привлекают мысли русского писателя о немецкой нации, противопоставляемой «западному миру» («Германия страна протестующая»). Его привлекает, с другой стороны, тезис Достоевского о «всечеловечности» русских людей, особенно сильно выраженный в знаменитой речи о Пушкине. Структура мыслей Томаса Манна близки рассуждения Достоевского (в статье «Среда») о личном нравственном долге человека в противовес вульгарному детерминизму, перелагающему ответственность за человеческие поступки с личности на окружающую его «среду».

Однако в богатом и противоречивом содержании «Дневника писателя» Достоевского многое прошло мимо внимания Томаса Манна. Размышления остро социального характера, зарисовки народной бедности и нужды, иной раз приобретающие, независимо от намерения Достоевского, объективно бунтарский смысл — все это не заинтересовало автора «Размышлений аполитичного». Но, с другой стороны, и наиболее реакционные страницы публицистики Достоевского, проповедь панславизма и великодержавного мессианизма не вызвали в Т. Манне сочувствия. В сущности, «Дневник писателя» со всей его сложной, путаной системой взглядов привлек Томаса

Манна прежде всего постольку, поскольку он нашел в нем материал для подкрепления своих идей.

Достоевский — далеко не единственный русский писатель, на которого Томас Манн ссылается в своей книге. К классикам русской литературы он обращается то и дело, и приводит те их высказывания, те отрывки из их произведений, которые могут быть ему полезны в ходе его аргументации. Он цитирует, например, размышления, содержащиеся в финале рассказа Толстого «Люцерн»: ему близка здесь толстовская критика «цивилизации», вернее — ложных, ходящих представлений о ней. По другому поводу Томас Манн приводит отрывки из второй главы рассказа Гоголя «Портрет» — те рассуждения о судьбах искусства при монархии и при республике, в которых отзывались нараставшие у Гоголя консервативные настроения. На нескольких страницах «Размышлений аполитичного» идет весьма пристрастный разговор о национальном характере французов со ссылкой на шуточные стихи А. Полетаева.

И все же русская литература в «Размышлениях аполитичного» — не просто источник аргументов или примеров. Автор почти непрерывно движется в мире образов любимых им русских книг, пересказывает эпизоды, вспоминает персонажей — иной раз и без видимой и необходимой связи с ходом его рассуждений. «Братья Карамазовы», «Идиот», «Бобок», «Крейцерова соната», «Дым», «Дворянское гнездо», «Новь» — все эти названия возникают по разнообразным поводам, вновь и вновь свидетельствуя о глубокой симпатии Томаса Манна к русскому народу и его духовному достоянию.

В одной из центральных глав своей книги «Политика» Томас Манн рассуждает о сатире, предостерегает против ее крайностей. Наиболее высокий тип сатиры, по его мысли, — тот, который несет в себе не только осуждение и осмеяние, но и некое утверждающее начало. И он ссылается на русских классиков:

«Мне кажется, тот, кто признается в своей склонности к русской литературе», доказывает тем самым, что не так уж плохо относится к критике и сатире. Россия до 1917 г., когда она стала демократической республикой, — повсюду считалась страной, которая особенно сильно нуждается в политически-социальной самокритике; и кто измерит бездны горечи и горя, из которых вырос комизм «Мертвых душ»! Но удивительно... привя-

занность великого писателя-критика к своей нации выражается в этой книге не только в форме отчаянного комизма и сатиры; по меньшей мере в двух или трех местах она проявляется как нечто позитивное, задушевное, как любовь; да, исполненная веры любовь к великой матушке России не раз прорывается здесь подлинным гимном, она и есть затаенная основа горечи и горя, и мы ясно чувствуем в такие минуты, что именно она оправдывает, даже освящает самую кровавую и жестокую сатиру...»

«Но оставим», пишет далее Томас Манн, «Россию как государство, общество, политику. Возьмем пример уничтожающей, в некотором смысле, критики русского человека в русской литературе, возьмем «Обломова» Гончарова! В самом деле, какая жалкая, безнадежная фигура! Сколько в ней дряблости, вялости, неуклюжести, лени, какая неспособность жить, какая захудалая меланхолия! Несчастная Россия, таков твой человек! И все же... разве можно не любить Илью Обломова, этого невозможна беспомощного человека? У него есть национальный антипод, немец Штольц, образец разумности, осмотрительности, чувства долга, достоинства и деловитости. Но сколько фарисейского педантства потребовалось бы, чтобы, прочитав эту книгу, не отдать предпочтения — как втайне, но без всяких сомнений, отдает предпочтение и автор — увальню Илье перед его энергичным приятелем, в конечном счете почувствовать и признать красоту, чистоту и прекраснодущие, заложенное в его человеческой сути? Несчастная Россия? Счастливая, счастливая Россия, — ибо во всех своих превратностях и бедах она так осознает собственную красоту и прекраснодущие, что, будучи вынуждена своей литературной совестью к сатирическому самоолицетворению, она ставит на ноги, — или, вернее, кладет на диван — личность, подобную Обломову!»

В этих суждениях Томаса Манна есть и то, с чем мы не можем согласиться: он прошел мимо того классового, социального содержания, которое заключает в себе образ Обломова, и слишком расширительно истолковал то обобщение, которое в нем заложено. Обломов — тип, созданный действительностью царской России в определенных исторических условиях, но ни в коем случае не общенациональный тип! Однако Томас Манн по-своему тонко проанализировал ту диалектику отрицания-утвер-

ждения, которая свойственна и гоголевской картине России, и фигуре Обломова у Гончарова.

Чуткость большого художника сказывается и в размышлениях Томаса Манна о Толстом, о «Войне и мире», при всем спорном, что мы здесь видим.

По ходу своих размышлений Томас Манн вспоминает о разногласиях между Толстым и Тургеневым. Восхищаясь «Войной и миром», Тургенев все же считал, что ее автору недостает «истинной свободы», и «истинного знания» (как он писал в статье «По поводу «Отцов и детей»); Тургенева в последние годы его жизни глубоко удручало превращение гениального художника в религиозного пророка.

Тургенев, утверждает Томас Манн, не понял внутренней закономерности развития Толстого: «Нехлюдов в „Воскресении“ — это Левин из „Анны Карениной“, да и Пьер Безухов из „Войны и мира“, и подлинное имя этого единого характера — Лев Толстой». И дальше Т. Манн пишет о «Войне и мире»:

«Я в последние недели перечитал это грандиозное произведение, — потрясенный и осчастливленный его творческой мощью, и полный неприязни к его идеям, к философии истории: к этой христианско-демократической узколобости, к этому радикальному и мужицкому отрицанию героя, великого человека. Вот здесь — пропасть и отчужденность между немецким и национально русским духом, здесь тот, кто живет на родине Гёте и Ницше, испытывает чувство протеста. Но от меня не ускользнуло то, что, видимо, ускользнуло от Тургенева: *единство силы*, которое владеет «Войной и миром», как и всем гигантским эпическим творчеством Толстого: дело в том, что «творческий поэтический дар», которым Тургенев восхищался почти что наперекор самому себе — *одного* происхождения с его узостью и крестьянским духом; дело в том, что эта христианская ограниченность и есть в то же время та первозданная нравственная сила, которая, не кряхтя, поднимает художественные тяжести, способные раздавить всю культуру Тургенева, — та пластическая сила страдания, та моральная художественная мощь, которая делает Толстого собратом Микеланджело и Рихарда Вагнера».

Есть, конечно, оттенок парадокса в том, что Томас Манн, прекрасно зная об антипатии Толстого к музыке Вагнера, тем не менее ставит их имена рядом (имея

в виду — творческую силу, масштабность). Еще труднее нам согласиться с Томасом Манном, когда он толстовское отрицание культа Наполеона истолковывает как отрицание героя вообще. Но зато Томас Манн прозорливо увидел народность гения Толстого, «мужицкое», «крестьянское» начало в его искусстве и складе мышления; он понял цельность художнической натуры Толстого, тесную связь его небывалой творческой силы с нравственным величием.

Отвергая толстовскую философию истории, Томас Манн вместе с тем высоко ценит общую идеиную направленность «Войны и мира». Толстовская вера в бога — та вера, к которой пришел Пьер Безухов после испытаний войны и плена, — это, по мысли Томаса Манна, в сущности — вера в жизнь, умение любить жизнь и людей, любить прекрасное.

Но зато Т. Манн отрицательно судит о взглядах, к которым пришел Толстой после перелома. Ему решительно не по душе «старый уже — не-художник Толстой, социальный пророк и христиански-анархический утопист...» И тут в «Размышлениях аполитичного» намечается антитеза: Толстой — Достоевский. Автор «Войны и мира» бесконечно дорог Томасу Манну как художник, создатель бессмертных пластических образов, но чужд ему как «кантинационист и пацифист». Автор «Дневника писателя» во многом близок Томасу Манну строем своих идей. Однако в художественном плане он вызывает у Т. Манна не только восхищение как «первый психолог мировой литературы», но и известную настороженность как художник «апокалиптического гротеска», склонный к крайностям, резким преувеличениям, смешению реальных пропорций. Именно эти черты Достоевского, замечает не без основания Томас Манн, получили развитие на Западе в искусстве экспрессионизма.

«Толстой и Достоевский: мастер реалистической пластики и визионер, художник гротеска встают здесь во весь рост друг против друга. Кто из них выше — вопрос праздный. Утверждать, что у экспрессиониста Достоевского более сильная воля, было бы дерзостью. В гигантском, исполненном серьезности творчестве Толстого выражена непревзойденная этическая воля, моралистическая сила...»

Сопоставление обоих великих русских писателей продолжало занимать Томаса Манна и в последующие го-

ды. После войны, как мы скоро увидим, он вернулся к этой теме. В дни, когда он дописывал «Размышления аполитичного», становилось все более очевидным, что его туманная мечта о расцвете старобюргерской культуры под сенью облагороженного «самовластия» терпит полный крах. Европа вступила в пору революций, — писателю было нелегко осознать эту новую реальность и с нею освоиться. Так или иначе, он в финале своей книги снова высказал свои дружеские чувства к русскому народу. «Мир с Россией! Мир прежде всего с ней!»

20-Е ГОДЫ.
СТАТЬИ О РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ.
«ВОЛШЕБНАЯ ГОРА»

Всматриваясь, вдумываясь в немецкую политическую действительность, Томас Манн в первые же годы после окончания войны сумел многое увидеть по-новому. Его возмущали реакционные террористы, которые пытались вернуть Германию на самоубийственный путь милитаристских авантюр. Для него становилось все более очевидным, насколько опасна для Германии идеология шовинизма, националистической исключительности. В речи «О немецкой республике» (1922) Томас Манн осудил尼цшеанские идеи «белокурого бестиализма», связанный с ними культ насилия и жестокости; он с мужественной честностью признал, что своими писаниями военного времени он, быть может, сам того не желая, дал «духовное оружие» реакционерам. Все яснее становилось ему, что в послевоенном мире произошли необратимые перемены, и что долг интеллигентов, деятелей культуры — не укрываться под сенью обманчивой «аполитичности», а отставать идеи гуманизма и демократии.

Торжество пролетарской революции в России, рост революционного, коммунистического движения во всем мире — все это были факты, с которыми Т. Манн не мог не считаться. От идей коммунизма он был и оставался крайне далек, но проявлял симпатию к Советской стране. В 1923 г. в Германии возникло «Общество друзей новой России», и Томас Манн вошел в правление этой органи-